

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-112-121

ВЫЗОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ САНКЦИОННОЙ КОАЛИЦИИ ПРОТИВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЫ

О. А. Турхан

Турхан Огуз Альперен, аспирант факультета международных отношений,
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.
E-mail: oguzturhan@yahoo.com (ORCID: 0000-0001-6514-787X).

Аннотация

В 2022 г. Россия стала объектом исторического масштаба санкций, введенных коалицией западных стран во главе с США. Однако страны Латинской Америки, Африки и большинство азиатских стран воздержались от присоединения к санкционному режиму. Цель данной статьи – проанализировать обстоятельства, при которых санкции против России не привлекли безоговорочной поддержки со стороны большинства государств мира. Особое внимание при анализе уделяется Бразилии, Турции и африканским государствам. Вместо моделей стратегического поведения, описанных в рамках теории структурного реализма, таких как балансирование или примыкание, эти страны реагируют на каждый вызов индивидуально, максимизируя потенциальную выгоду и минимизируя политические риски, придерживаясь стратегии «хеджирования». Неприсоединившиеся к антироссийским санкциям государства выражают готовность к посредничеству в урегулировании конфликта на Украине и используют возможности, возникающие в результате изоляции России: торговые уступки в виде дешевого топлива или безвозмездной поставки зерна. Также они сохраняют партнерские отношения с Россией, чей политический авторитет выступает в качестве противовеса в спорах с западными странами. Результаты исследования подтверждают положения, присущие концепции «хеджирования», о том, что в условиях фрагментации глобальных процессов государства, преследуя свои интересы, активно выходят за рамки традиционных стратегий.

Ключевые слова: экономические санкции; хеджирование; глобализация; Россия; санкционная коалиция; Черноморская инициатива; многополярность.

Окончание холодной войны стало завершением биполярного мира с центрами-сверхдержавами США и СССР и началом однополярной эры. Сложившийся баланс сил сохранялся до 2008 г., когда финансовый кризис вызвал глубокие изменения не только в экономической парадигме, но и в структуре международной политики. После кризиса мировые финансы и торговля вступили в фазу, которую назвали *slowbalisation*¹. Кризис глобализации и растущее разочарование в ее принципах привели к эскалации геополитической напряженности, которая стала катализатором военных конфликтов по всему миру. Эскалация напряженности вызвала кризис безопасности на Украине в 2014 г. В результате Россия оказалась объектом экономических санкций со стороны западных стран во главе с США, направленных на ее экономическую изоляцию. К 2022 г. уровень санкций, введенных против России, достиг беспрецедентной отметки.

Экономическая и политическая близость Вашингтона с европейскими странами позволила первому вовлечь их в антироссийскую коалицию. Таким образом США стремились расширить коллективные усилия по санкционному давлению на Россию². Тем не менее попытки расширить коалицию за счет других суверенных государств оказались безуспешными. Многие страны, такие как Бразилия, Турция, Саудовская Аравия, Индонезия и практически все африканские государства, воздержались от присоединения к мерам против России. С учетом этой ситуации возникает вопрос: чем обусловлено решение этих стран отказаться от участия в санкционной коалиции против России.

© Турхан О. А., 2024

¹ Globalisation has faltered // The Economist. 24 January 2019. URL: <https://www.economist.com/briefing/2019/01/24/globalisation-has-faltered> (accessed 11 July 2023).

² Арапова Е. Держите строй: как США принуждают третьи страны поддерживать санкции [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/derzhite-stroy-ssha-sanktsii/> (дата обращения: 17.06.2023).

С позиции структурного реализма следовало бы ожидать, что страны присоединятся либо к США и ЕС, участвуя в санкционной коалиции против России и позиционируя себя как противников ревизионистских государств, либо, наоборот, примкнут к России, признав правомерность действий Москвы в ходе специальной военной операции на Украине. Однако политика упомянутых стран несколько отличается: выражая в целом неодобрение военным действиям России, они не спешат занимать конкретную позицию в конфликте, а вместо этого выдвигают собственные мирные инициативы, проявляют готовность к посредничеству в урегулировании конфликта и стремятся сохранить экономические связи и с объектом, и с инициаторами санкций.

Цель исследования – проанализировать обстоятельства, при которых Бразилия, Турция и ряд африканских государств предпочли стратегии поведения, отличные от балансирования и примыкания. Теоретическую основу исследования составляют положения структурного реализма о стратегическом взаимодействии (*political alignment*) государств, а концепция хеджирования используется в качестве дополняющей. Данная теоретическая основа проверяется на эмпирических данных, полученных в результате контекстуального анализа. Рассматриваются официальные документы, представленные резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, а также заявления официальных органов и лиц по соответствующим вопросам. Включение концепции хеджирования в анализ обеспечивает более глубокое понимание стратегических маневров, осуществляемых странами Глобального Юга в условиях изменяющегося соотношения сил в международной политике.

Перемены в структуре международной политики

В рамках структурного реализма структуры представляют собой совокупность ограничивающих воздействий на агентов (Waltz, 1979: 70). Между агентами и международной структурой существуют взаимные связи, в ходе которых каждый из них оказывает формирующее воздействие на другого (Waltz, 1979: 40). Структура характеризуется динамизмом и действует косвенно через процессы социализации и конкуренции между агентами (Waltz, 1979: 74). В анархичной международной среде эти процессы формируют модель поведения для государств, а именно побуждают их приоритизировать свою безопасность. В условиях этих системных особенностей распределение силы (*distribution of power*), обусловленное взаимодействием акторов, становится неперенным элементом в формировании структуры. Структура порождает импульсы и императивы для государств, побуждая их двигаться в определенных политических направлениях. В зависимости от сдвигов в распределении сил приоритеты и национальные интересы государств претерпевают изменения (Gilpin, 1981: 106). В результате таких изменений, особенно в связи с неодинаковым ростом их силы, в международной системе происходит переход от состояния равновесия (*equilibrium*) к состоянию неравновесия (*disequilibrium*).

В условиях изменения баланса сил структурный реализм предусматривает два варианта стратегического поведения для государств: балансирование (*balancing*), подразумевающее позиционирование против растущей угрозы, и примыкание (*bandwagoning*), заключающееся в присоединении к ревизионистской державе. К. Уолт утверждает, что государства чаще придерживаются балансирования, руководствуясь тем, что потенциальные страны-ревизионисты представляют большую угрозу их национальным интересам, чем сохранение существующего международного порядка (Walt, 1985: 15). Р. Швеллер, в свою очередь, опровергает прочтение этих стратегий как противоположных, подчеркивая, что они включают в себя совершенно разные цели: если балансирование направлено в первую очередь на уменьшение потенциальных потерь, то стратегия примыкания чаще возникает из стимулов, направленных на получение выгоды (Schweller, 1994: 74). Следует отметить, что Р. Швеллер так же, как и структурные реалисты, рассматривает эти стратегии строго в рамках безопасности. Тем не менее актуальные трансформации в международной политике проявляются во всех аспектах материального потенциала государств.

Финансовый кризис 2008 г. отметил начало социально-экономических и политических перемен в мире. Кризис привел к снижению роста мирового ВВП на 1,3% в 2009 г. Особенно на начальной стадии он оказал более разрушительное действие на экономику развитых стран, в 2009 г. в этих странах был зафиксирован спад ВВП в размере 3,3%¹. Последовавшее за экономическим спадом обострение материального неравенства, наряду с другими социальными и культурными факторами (Inglehart & Norris, 2016), вызвало у значительной доли населения негативную реакцию в адрес правительств и капиталистической системы в целом.

¹ Global Economic Prospects 2010, Global economic prospects and the developing countries // World Bank. 2010. DOI: 10.1596/978-0-8213-8226-4

Референдум по Брекзиту и избрание Д. Трампа президентом в Соединенных Штатах в 2016 г. привлекли внимание мирового сообщества к вопросу угрозы распространения популистских режимов. У. Мид рассматривает рост популизма как некий «Джексоновский бунт» (Mead, 2017), разразившийся в ответ не только на материальное неравенство, но и на вторжение космополитических идей в традиционный уклад жизни. В свою очередь, Дж. Колган и Р. Кеохейн утверждают, что популизм, проявившийся в избрании Д. Трампа и Брекзите, связан с нарушением социального контракта в либеральных демократиях (Colgan & Keohane, 2017).

Тенденция роста нетарифных барьеров в мировой торговле и эскалация протекционизма, набравшая обороты после финансового кризиса (Erdal, Felbermayr & Kinzius, 2017), перешли в новую стадию развития, когда США и Китай в 2018 г. вступили в торговую войну. С наступлением пандемии COVID-19 интеграционные процессы существенно деградировали. В 2020 г. номинальный ВВП в мире сократился на 3,3%¹, а реальный ВВП, согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), несмотря на все государственные меры, упал на 2,3 % (Arriola, Kowalski & van Tongeren, 2022). Глобальные цепочки создания стоимости сильно пострадали из-за нарушений в спросе, предложении и логистике. Характерные тренды мировой политики – глобализация, интеграция и демократизация – в этот период стали превращаться в деглобализацию, дезинтеграцию и дедемократизацию (Лебедева, 2021).

На фоне кризиса стремительный рост развивающихся стран и экономические проблемы США, такие как высокий уровень внешнего долга и хронический дефицит бюджета, привели к дискуссиям о перспективе утраты превосходства Вашингтона в мире (Laune, 2012). Хотя преимущество США в военной, технологической и экономической сферах остается значительным, существует группа стран, которая активно стремится к изменениям в существующей системе и выражает недовольство сложившимися условиями. К примеру, после мирового финансового кризиса в 2009 г. была актуализирована идея создания структуры БРИК, известной в настоящее время как БРИКС. Эта многосторонняя платформа, помимо более широких целей сотрудничества в различных областях, сформулировала на своем первом саммите задачу содействия существенным реформам в наличных финансовых институтах. Конечной целью этого начинания было обеспечение представительства стран с переходной и развивающейся экономикой в глобальных финансовых институтах². Р. Саква определяет стратегию БРИКС как «суверенный интернационализм», который означает, что данные страны, будучи заинтересованными в экономической кооперации, имеют твердое намерение сохранить свой суверенитет и при этом стремятся сделать международные институты более многосторонними и открытыми (Sakwa, 2019). Хотя на первый взгляд усилия БРИКС в области экономического сотрудничества могут быть прочитаны как направленные на усиление глобализации, существует мнение, что эти страны недовольны существующей системой и стремятся создать альтернативный блок, независимый от западных институтов (Binder & Payton, 2021).

Глобальные тренды можно рассматривать как «процесс становления нового качества международной среды» (Богатуров, 2004: 28). В этом контексте существенные колебания в глобальных динамиках служат признаком сдвига равновесия в международной системе. Особенно после 2008 г. такие изменения наблюдаются в конфигурации международной политики. Влияние Китая неуклонно растет, однако называть текущую систему «новой биполярной» было бы преждевременно, более точно характеризовать ее как гибридную. Р. Хигготт и С. Райх, например, вводят понятие «нечеткая бифуркация» (fuzzy bifurcation) для характеристики природы современного мирового порядка (Higgott & Reich, 2022). Согласно их концептуальной схеме, структура международной политики не поддается четкой классификации на многополярную или биполярную. Хотя на сегодняшний день Китай и США действуют как основные полюса в системе мировой политики, современная динамика выходит за пределы биполярности, характерной для эпохи холодной войны.

В современных условиях многие развивающиеся страны склонны придерживаться стратегии хеджирования вместо того, чтобы полностью присоединиться к одной из этих мировых держав или балансировать между ними. Более того, влияние, оказываемое великими державами на малые и средние государства, в меньшей степени трансформируется в желаемые политические действия и решения (Higgott & Reich, 2022: 629). Данная концепция не является абсолютно новой, подобное направление политических дискуссий появилось после мирового финансового кризиса. Так, Р. Фонтейн и Д.

¹ Projected Poverty Impacts of COVID-19 (Coronavirus) // World Bank. Washington, DC, 2020. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/461601591649316722-0090022020/original/ProjectedpovertyimpactssofCOVID19.pdf> (accessed 14 January 2023).

² Joint Statement of the BRIC countries' leaders. 2009. URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/209> (accessed 15 June 2023).

Климан расширили понятие «колеблющиеся государства» (swing states) на сферу глобальной политики, утверждая, что основополагающие столпы международной системы, появившейся после Второй мировой войны, постепенно разрушились. В связи с этим США должны активно искать поддержки у ключевых акторов – Бразилии, Индии, Индонезии и Турции. Эти четыре государства обладают не только легитимностью, но и способностью играть значимую роль в региональных и глобальных вопросах (Fontaine & Kliman, 2013).

Стремительный экономический, военный и технологический прогресс Китая в сочетании с вышеупомянутыми преобразованиями после мирового финансового кризиса вызвал необходимость переоценки традиционных подходов к стратегиям балансирования и примыкания. Именно в этом контексте Ч. Куик сформулировал концепцию хеджирования (hedging) как способ прояснить поведение, демонстрируемое государствами Южной Азии, которое отличается от традиционных понятий балансирования или примыкания. Хеджирование предполагает, что иногда государства занимают промежуточную позицию или золотую середину в выборе стратегического взаимодействия (Kuik, 2008). Отличительная черта этого подхода заключается в минимизации рисков и максимизации прибыли в условиях большой неопределенности и высоких ставок (Kuik, 2008: 163).

Куик приводит три довода, противоречащих основным предположениям структурного реализма:

- политическое позиционирование в отношении определенного государства не обязательно должно выливаться в создание альянса;
- для некрупных государств невоенные связи порой имеют не меньшее значение, чем военные, при позиционировании себя по отношению к крупной державе;
- в определенных условиях государства могут использовать как невоенные, так и военные связи в свою пользу в отношении конкурирующих держав (Kuik, 2016: 3).

В зависимости от сложившихся обстоятельств угроз и возможностей государства отдают предпочтение стратегиям, которые оптимизируют баланс между рисками и прибылью.

Геополитический контекст антироссийских санкций

Введенные в 2014 г. санкции против России не имели первостепенной целью принудить страну изменить политический курс. Скорее они были направлены на сдерживание России от дальнейших военных действий и привлечение ее к активному участию в процессе политического урегулирования путем повышения издержек (Gould-Davies, 2018). Однако даже после заметного усиления антироссийских санкций начиная с февраля 2022 г., направленных на нанесение “coup de grâce” российской экономике¹, лишь небольшое число стран продолжили применять эти ограничения. В то же время с начала специальной военной операции целям антироссийских мер была свойственна некоторая разнонаправленность и противоречивость. Несмотря на неоднократные заявления руководства США о том, что они не намерены добиваться смены режима в России, президент Дж. Байден в марте 2022 г. сделал ремарку: «Ради Бога, этот человек [В. Путин] не может оставаться у власти»². Впоследствии основная цель санкций сместилась в сторону нанесения максимального ущерба России с целью подорвать ее военный потенциал³.

Можно предположить, что чем шире коалиция государств – инициаторов санкций, тем выше вероятность достижения намеченных целей. Однако эффективность санкций не находится в прямой зависимости от численности коалиции, к тому же многочисленность коалиций иногда может привести к обратным эффектам (Morgan, Syropoulos & Yotov, 2023: 21). В больших коалициях задача поддержания единства среди участников со временем становится более сложной, поскольку у них может постепенно развиваться интерес к экономическим и политическим возможностям, возникающим в результате взаимодействия и сотрудничества со страной-мишенью (Hufbauer et. al., 2007: 172–175). Это особенно очевидно, когда многосторонние санкции осуществляются без участия координирующей международной организации, а цели санкций носят неконкретный и разнообразный характер

¹ Smart C. Russia Tried to Prepare for Sanctions, But It Can't Hide from the U.S. Dollar // Barron's. 18 March 2022. URL: <https://www.barrons.com/articles/you-can-run-from-the-dollar-but-you-cant-hide-51647624381> (accessed 20 June 2023).

² Remarks by President Biden on the United Efforts of the Free World to Support the People of Ukraine // The White House. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/26/remarks-by-president-biden-on-the-united-efforts-of-the-free-world-to-support-the-people-of-ukraine/> (accessed: 20 June 2023).

³ Speech by Secretary Blinken: “Russia’s Strategic Failure and Ukraine’s Secure Future.” U.S. Embassy & Consulates in Russia, 2023. URL: <https://ru.usembassy.gov/secretary-blinken-russias-strategic-failure-and-ukraines-secure-future/> (accessed: 20 June 2023).

(Varat & Morgan, 2009). Это подрывает основу санкционной коалиции, что можно наблюдать и на примере антироссийских санкций. Одновременно, как подчеркивают С. Чоудхури и ее коллеги, в специфическом контексте антироссийских санкций потенциальное расширение коалиции, с включением в нее Китая, а также Индии, Турции и Бразилии, привело бы к существенным экономическим издержкам для российской экономики (Chowdhry et. al., 2023).

Само по себе наложение экономических издержек на страну-мишень не является успешным применением экономических санкций, пока эти издержки не будут преобразованы в политические (Blanchard & Ripsman, 1999: 224). В случае с Россией добиться изменения политики Кремля с помощью мер экономического принуждения представляется сложной задачей. Кроме того, применяемые меры против России характеризуются неопределенностью в отношении их конечных целей, с учетом того, что стремление нанести максимальный ущерб может привести к бесконечному расширению санкционных мер. Такая неопределенность может подорвать решимость участвующих субъектов и в перспективе отбить желание у других государств присоединиться к коалиции.

Две из шести резолюций, принятых ГА ООН по Украине, могут служить примером для определения позиции различных стран по отношению к военным действиям России на Украине. 2 марта 2022 г.¹ и 12 октября 2022 г.² были приняты резолюции, в которых рассматривался вопрос о «российской агрессии против Украины» и подчеркивалась значимость поддержания территориальной целостности Украины. Эти резолюции получили поддержку более 140 стран мира, которые осудили военные действия России и выразили свою поддержку сохранению территориальной целостности Украины. Тем не менее в ходе голосования по резолюции, осуждающей «незаконную аннексию территории Украины», 45 стран, включая Китай, Индию, Вьетнам, Иран, Венесуэлу, Алжир и ЮАР, приняли решение воздержаться от голосования. Эти страны также отказались присоединиться к санкционной коалиции против России. Кроме того, следует отметить, что ряд стран, таких как Бразилия, Турция, Саудовская Аравия, Индонезия и Египет, воздержались от введения ограничительных мер в отношении России, хотя на ГА ООН осудили военные действия России на Украине.

В настоящее время против России введен целый ряд санкций, организованных коалицией под эгидой стран «Большой семерки». В коалицию входят члены Европейского союза, а также Норвегия, Швейцария, Южная Корея, Сингапур, Австралия и Новая Зеландия. В этом геополитическом контексте фраза «Запад против остальных», использованная А. Стент, как нельзя лучше характеризует сложившуюся ситуацию³. При классификации «остальных» особое внимание привлекают страны БРИКС, которые, как правило, стремятся вносить изменения в устоявшуюся международную систему. Наиболее ярким проявлением их совместной деятельности является инициатива по созданию общей валюты для коммерческих операций между странами – участниками этого коллектива⁴. Правда, создание общей валюты не было упомянуто во Второй Йоханнесбургской декларации стран БРИКС, было подчеркнуто лишь намерение поощрять национальные валюты в международной торговле и финансовых операциях⁵. Тем не менее даже спекулятивные рассуждения на эту тему свидетельствуют о преобладающем среди ведущих экономик мира недовольстве карательными мерами, особенно так называемыми вторичными санкциями.

Заявления бывшего президента Бразилии Ж. Болсонару являются ярким примером реакции незападного мира на санкции, введенные против России. Болсонару утверждал, что его дипломатическое спокойствие позволило приобрести у России необходимые удобрения, которые являются важнейшим ресурсом для сельскохозяйственного сектора Бразилии. Кроме того, Болсонару подчеркнул важность признания Россией суверенитета Бразилии над ее обширными территориями в тропических лесах Амазонки⁶. В ходе президентской кампании С. Аморим, советник действующего президента

¹ Резолюция A/RES/ES-11/1 [Электронный ресурс] / Генеральная Ассамблея ООН. 02 марта 2022 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/293/39/PDF/N2229339.pdf?OpenElement> (дата обращения: 11.06.2023).

² Резолюция A/RES/ES-11/4 [Электронный ресурс] / Генеральная Ассамблея ООН. 22 октября 2022 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/630/71/PDF/N2263071.pdf?OpenElement> (дата обращения: 11.06.2023).

³ Stent A. The West vs. the Rest // Foreign Policy. 2 May 2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/05/02/ukraine-russia-war-un-vote-condemn-global-response/> (accessed: 15 June 2023).

⁴ Cele S. and Bowker J. BRICS nations say new currency may offer shield from sanctions // Bloomberg.com. 1 June 2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-06-01/brics-nations-say-new-currency-may-offer-shield-from-sanctions> (accessed: 15 July 2023).

⁵ Йоханнесбургская декларация-II [Электронный ресурс] // БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности: XV саммит БРИКС. 23 августа 2023 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/1s471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).

⁶ Brazil's Bolsonaro says Western sanctions against Russia have failed // Reuters. 7 July 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/brazils-bolsonaro-says-western-sanctions-against-russia-have-failed-2022-07-07/> (accessed: 22 July 2023).

Лулы да Силвы, выступил с критикой санкций против России. По его мнению, эти санкции были ошибочными, поскольку они увеличивали вероятность ядерного конфликта и способствовали укреплению союза между Москвой и Пекином¹. Кроме того, согласно официальной позиции Бразилии, озвученной на ассамблеях ООН, санкции носят повальный и необоснованный характер, не стимулируют формирование конструктивного диалога, а, наоборот, наносят ущерб мировой экономической картине (Vasconcellos de Carvalho Motta & Succi, 2023). После вступления в должность президент Лула да Силва в диалоге с президентом Германии О. Шольцем предложил Китаю, Индии, Бразилии и Индонезии выступить в качестве посредников в урегулировании военного конфликта на Украине². Позиция Лулы да Силвы вызвала критику со стороны США. Белый дом обвинил бразильского лидера в том, что он «как попугай» повторяет пропагандистский дискурс, распространяемый Россией и Китаем³.

Другими субъектами, воздерживающимися от участия в санкциях против России и выступающими в качестве потенциальных посредников в конфликте, являются некоторые страны Африки, такие как ЮАР, Алжир, Египет, Уганда и др. Они придерживаются политики «активного неприсоединения», которая, по словам Х. Хайне, заключается в приоритизации своих индивидуальных интересов на мировой арене и в отказе от роли прокси в противостоянии между ведущими державами⁴. Африканские лидеры под эгидой Африканского союза создали совместную группу мирной инициативы и представили свой план, который сосредоточивается на деэскалации конфликта, решении гуманитарных вопросов и обеспечении движения зерна и удобрений⁵. Африканские страны воздержались от присоединения к санкционной коалиции, и, согласно В. Путину, в первой половине 2023 г. товарооборот между Россией и африканскими странами увеличился на 35 % по сравнению с предыдущим годом⁶. Эту тенденцию можно объяснить зависимостью данных стран от российских товаров, а также усилиями, предпринимаемыми Россией для компенсации падения товарооборота, вызванного введением санкций. Последнее имеет особое значение, поскольку в результате военного конфликта на Украине возникла угроза голода в ряде африканских регионов, которые в значительной степени зависят от поставок продовольствия как из России, так и с Украины.

Угроза продовольственного кризиса из-за военных действий на Украине привела к усилиям по открытию коридора для судов из украинских портов. С целью преодоления этой проблемы 22 июля 2022 г. было подписано соглашение по запуску Черноморской зерновой инициативы между Россией, Украиной, Турцией и ООН. Соглашение предусматривало безопасный вывоз зерна и удобрений из украинских портов и создание Совместного координационного центра в Стамбуле⁷. В дополнение к этому соглашению в тот же день между ООН и Россией был подписан меморандум о взаимопонимании, согласно которому Россия согласилась продолжить поставки продовольствия и удобрений и содействовать экспорту из контролируемых Украиной портов Черного моря. В свою очередь ООН согласилась продолжать усилия по содействию прозрачному и беспрепятственному доступу продовольствия и удобрений, включая сырье, необходимое для их производства, поступающих из России на мировые рынки⁸. Таким образом, Москва добилась некоторого ослабления санкционного режима в

¹ Iglesias S. P. and Beck M. V. US sanctions on Russia a mistake, Brazil Lula's top foreign adviser says // Bloomberg.com. 5 August 2022. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-08-05/us-sanctions-on-russia-are-a-mistake-lula-s-top-adviser-says> (accessed: 22 July 2023).

² Von Der Burchard H. Brazil's Lula snubs Olaf Scholz with Ukraine war remarks // POLITICO. 31 January 2023. URL: <https://www.politico.eu/article/ukraine-war-luiz-inacio-lula-da-silva-mercosur-olaf-scholz/> (accessed: 15 July 2023).

³ Paraguassu L. and Boadle A. Brazil's Lula draws Russian praise, U.S. scorn for Ukraine views // Reuters. 17 April 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russias-lavrov-thanks-brazil-efforts-resolve-ukraine-war-2023-04-17/> (accessed: 15 July 2023).

⁴ Heine J. Africa, Latin America and the Active Non-Alignment option // The China Global South Project. 5 April 2022. URL: <https://chinaglobalsouth.com/analysis/africa-latin-america-and-the-active-non-alignment-option/> (accessed: 15 July 2023).

⁵ Лакстыгал И., Гасымов Н. и Мишутин Г. Африканский мирный план представлен в Киеве и Петербурге [Электронный ресурс] // Ведомости. 18 июня 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/06/19/981076-afrikanskii-mirnii-plan-predstavlen-v-kieve-i-peterburge> (дата обращения: 06.08.2023).

⁶ Встреча с Президентом Союза Коморских островов Азали Ассумани и Председателем Комиссии Африканского союза Муссой Факи Махаматом [Электронный ресурс] // Президент России. 27 июля 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/71813> (дата обращения: 30.07.2023).

⁷ Initiative on the Safe Transportation of Grain and Foodstuffs from Ukrainian Ports / Black Sea Grain Initiative Joint Coordination Centre. UN. 22 July 2022. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/black_sea_grain_initiative_full_text.pdf (accessed: 30 July 2023)

⁸ Memorandum of Understanding between the Russian Federation and the Secretariat of the United Nations on Promoting Russian Food Products and Fertilizers to the World Markets. 22 July 2022. URL: https://news.un.org/pages/wp-content/uploads/2022/09/MOU_21_July_UN-Secretariat86.pdf (accessed 30 July 2023).

отношении своего сельскохозяйственного сектора. Некоторые аналитики, такие как Pedrozo (2023: 450), утверждают, что Россия была наиболее заинтересованной стороной в этом соглашении. Тем не менее его реализация не соответствует целям меморандума. В частности, продолжается отключение Россельхозбанка от системы SWIFT, вводится постоянный запрет на ввоз в Россию необходимого оборудования под предлогом «товаров двойного назначения», блокируются российские банковские платежи, страховая и транспортная логистика, поставки запчастей, иностранные активы, подорван аммиакопровод «Тольятти – Одесса», в чем Россия усматривает ответственность украинской стороны¹. В силу указанных обстоятельств Москва сочла неприемлемым сохранение Зерновой сделки. Усилия Турции по возрождению Черноморской инициативы с участием России, по всей видимости, пока оказались недостаточными для преодоления существующих препятствий². Тем не менее динамика этих переговоров показывает, что действия Турции требуют более тщательного изучения в рамках так называемой стратегии хеджирования.

Нюансы турецкой политики в отношении России, включая сознательную политику неприсоединения к санкционному режиму, всесторонне проанализированы П. Шлыковым (2023). Позиция Турции, полноправного члена НАТО, на первый взгляд выглядит парадоксально: с одной стороны, она выступает за вступление Киева в Альянс, а с другой – не поддается давлению со стороны союзников, требующих присоединения к санкционному режиму. Турция отличается от «нормальных» союзников США в Европе по своим амбициям и возможностям (Бордачев, 2021: 15). По сути, позиция Турции может быть квалифицирована как иллюстрация хеджирующего поведения, но с несколькими оговорками. Во-первых, многогранный и динамичный характер внешнеполитического курса давно позволяет Анкаре использовать отношения с незападными странами в качестве стратегического преимущества во взаимодействии с Западом, что в академической литературе описывается как политика равновесия (*denge siyaseti*) (Oğuzlu, 2015: 241). Более того, начиная с середины 2010-х гг. Турция постепенно усиливала свой дискурс, касающийся неравенства в современной глобальной политике, особенно в контексте малых и средних государств. Эта риторическая экспансия сопровождалась призывом к созданию более инклюзивного и многостороннего международного порядка, ключевым элементом которого является реформирование структуры и процедур Совета Безопасности ООН³. Во-вторых, примерно с 2015–2016 гг. наблюдается заметное ухудшение турецко-американских отношений, причем США все чаще игнорируют обеспокоенность Турции безопасностью на фоне таких событий, как попытка государственного переворота в Турции и продолжающаяся гражданская война в Сирии. Наконец, Турция сама подверглась санкциям со стороны США после приобретения у России зенитно-ракетных комплексов С-400. Вероятно, отчасти из-за этих факторов в турецких политических кругах сложилось мнение, что эскалация санкционных режимов представляет собой настораживающую тенденцию в мировой политике⁴.

С учетом большого количества стран, а также множества уникальных факторов, влияющих на политику каждой из них, отметим, что изучение мотивов, движущих каждым отдельным государством, выходит за рамки данного исследования. Однако следует сказать, что эти государства стали разрабатывать стратегии, отличающиеся заметной степенью самостоятельности. В период холодной войны биполярная структура мира способствовала тому, что экономические и политические стратегии вписывались в рамки соответствующих идеологических блоков, но на современной политической арене можно наблюдать рост влияния и географическую экспансию, связанные с особым мировоззрением, распространенным на Глобальном Юге. Это мышление характеризуется двумя чертами: призывом к существенному реформированию или трансформации глобальной системы и стремлением к защите своих политических и экономических интересов без вступления при этом в конфликты великих держав.

¹ Заявление МИД России о Стамбульских договоренностях [Электронный ресурс] / МИД РФ. 17 июля 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1897157/ (дата обращения: 30.07.2023).

² Пресс-конференция по итогам российско-турецких переговоров [Электронный ресурс] // Президент России. 04 сентября 2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72187> (дата обращения: 05.09.2023).

³ Anadolu Ajansı Cumhurbaşkanı Erdoğan BM'de konuştu: Dünya 5'ten büyüktür. 24 Eylül 2019. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/cumhurbaskani-erdogan-bmde-konustu-dunya-5ten-buyuktur/1592817> (son erişim tarihi: 30.07.2023).

⁴ Karadağ C., Başay E. Cumhurbaşkanlığı Sözcüsü Kalın: Rusya'ya yönelik yaptırımlar işe yaramaz, sadece sorunları ertelersiniz / Anadolu Ajansı. 20 Şubat 2022. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/cumhurbaskanligi-sozcusu-kalin-rusyaya-yonelik-yaptirimlar-ise-yaramaz-sadece-sorunlari-ertelersiniz/2508053> (son erişim tarihi: 30.07.2023).

* * *

В 2022 году коалиция западных стран во главе с США ввела против России санкции беспрецедентного масштаба. Несмотря на негативное воздействие санкций, способность России противостоять их последствиям и адаптироваться к новым условиям вынудила западные страны, в первую очередь США, искать пути расширения санкционной коалиции. Вместе с тем среди стран Глобального Юга наблюдается заметное нежелание участвовать в санкционном давлении на Россию. Традиционная логика блокового мышления не дает полноценного объяснения этой неготовности.

Стратегия хеджирования отчасти объясняет решение этих государств воздержаться от санкций против России. Не присоединившиеся к коалиции страны склонны поддерживать экономически выгодную торговую деятельность с Россией, избегая участия в блоковой политике. Однако нежелание присоединиться к санкциям не может быть объяснено исключительно экономическими соображениями. Многие государства, в том числе Бразилия, Турция, ряд африканских стран и Индия, стремятся к дипломатическому успеху и укреплению своего престижа, выступая в качестве посредников в урегулировании украинского конфликта. Кроме того, они рассматривают свой отказ от участия в санкционном режиме как возможность подчеркнуть свой суверенитет. Когда эти государства вступают в противоречия с западными державами, они используют свои отношения с Россией не только как стратегический рычаг, но и как альтернативный источник легитимности. Как отметил по этому поводу В. Путин, «Вы понимаете, заставить другие страны тупо следовать чьим-то интересам в современном мире сложно, а подчас практически невозможно. Ну как можно заставить какую-то страну с многомиллионным населением сказать: “Не покупайте у России зерно, голодайте, пусть ваши люди умирают от голода!” Ну кто так может сказать? А если кто-то может, какой-то придурок так и говорит, его слушать не будут – не будут слушать, в этом вся проблема»¹.

Список литературы / References

- Богатуров, А. Д. (2004). ‘Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе’, *Международные процессы*, 2 (1), 16–33. [Bogaturov, A.D. ‘The notion of ‘World Politics’ in theorizing international relations’ [Ponyatie mirovoi politiki v teoreticheskom diskurse], *International Trends*, 2 (1), pp. 16–33. (In Russ.)]
- Бордачев, Т. (2021) ‘Последняя империя и её соседи’, *Россия в глобальной политике*, 19 (2), сс. 8–24. [Bordachev, T.V. (2021) ‘The last empire and its neighbors’ [Poslednyaya imperiya i ee sosedi], *Russia in Global Affairs*, 19 (2), pp. 8–24. (In Russ.)]. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-8-24.
- Лебедева, М. М. (2021). ‘Политическая организация мира в условиях современных мегатрендов: сценарии развития’, *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 26 (3), сс. 10–21. [Lebedeva, M.M. ‘Political organizations of the world in the context of contemporary megatrends: scenarios of development развития’ [Politicheskaya organizatsiya mira v usloviyakh sovremennykh megatrendov: stsennarii razvitiya], *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4, Istoriia, Regionovedenie, Mezhdunarodnye Otnosheniia*, 26 (3), pp. 8–24. (In Russ.)] DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.3.2.
- Шлыков, П.В. (2023) ‘Турецкий кульбит’, *Россия в глобальной политике*, 21 (3), сс. 142–159. [Shlykov, P.V. (2023) ‘Turkish Somersault’ [Turetskii kulbit], *Russia in Global Affairs*, 21 (3), pp. 142–159. (In Russ.)]. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-142-159.
- Arriola, C., Kowalski, P., Van Tongeren, F. (2022) *Understanding structural effects of COVID-19 on the global economy: First steps*, OECD Trade Policy Papers, 261, OECD Publishing, Paris, DOI: 10.1787/f6a9ef88-en.
- Bapat, N.A. and Morgan, T.C. (2009) ‘Multilateral versus unilateral sanctions reconsidered: A test using new data’, *International Studies Quarterly*, 53 (4), pp. 1075–1094. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2009.00569.x.
- Binder, M. and Payton, A.L. (2021) ‘With frenemies like these: rising power voting behavior in the UN General Assembly’, *British Journal of Political Science*, 52 (1), pp. 381–398. DOI: 10.1017/s0007123420000538.
- Blanchard, J.-M.F., Ripsman, N.M. (1999) ‘Asking the right question: When do economic

¹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс] // Президент России. 16 июня 2023 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71445> (дата обращения: 15.07.2023).

- sanctions work best?', *Security Studies*, 9 (1–2), pp. 219–253. DOI: 10.1080/09636419908429400.
- Chowdhry, S. et al. (2023) *Brothers in Arms: The value of coalitions in sanctions regimes*, Social Science Research Network [Preprint]. DOI: 10.2139/ssrn.4514790.
- Colgan, J.D., Keohane, R.O. (2017) The liberal order is rigged: fix it now or watch it wither, *Foreign Affairs*, 17 April [online]. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2017-04-17/liberal-order-rigged> (Accessed: June 15, 2023).
- Edey, M. (2009) 'The global financial crisis and its effects', *Economic Papers: A Journal of Applied Economics and Policy*, 28 (3), pp. 186–195. DOI:10.1111/j.1759-3441.2009.00032.x
- Fontaine, R., & Kliman, D. M. (2013) 'International order and global swing states', *The Washington Quarterly*, 36 (1), pp. 93–109. DOI:10.1080/0163660X.2013.751653.
- Gilpin, R. (1981) *War and change in world politics*. Cambridge University Press.
- Goodwin, M. Milazzo, C. (2017) 'Taking back control? Investigating the role of immigration in the 2016 vote for Brexit', *The British Journal of Politics and International Relations*, 19 (3), pp. 450–464. DOI: 10.1177/1369148117710799.
- Gould-Davies, N. (2018) Economic effects and political impacts: Assessing Western sanctions on Russia. *BOFIT* [online]. Available at: <https://econpapers.repec.org/RePEc:zbw:bofitb:82018> (Accessed: June 15, 2023).
- Higgott, R. and Reich, S. (2022) 'The age of fuzzy bifurcation: Lessons from the pandemic and the Ukraine War', *Global Policy*, 13 (5), pp. 627–639. DOI: 10.1111/1758-5899.13141.
- Hufbauer, G.C. et al. (2007) *Economic sanctions reconsidered*. 3rd edn. Peterson Institute of International Economics.
- Inglehart, R., Norris, P. (2016) *Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic Have-Nots and cultural backlash*, Social Science Research Network [Preprint]. DOI: 10.2139/ssrn.2818659.
- Keohane, R.O. and Nye, J.S. (2011) *Power and interdependence*. 4th edn. Pearson.
- Kuik, C.C. (2008) 'The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China', *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*, 30 (2), pp. 159–185. DOI: 10.1355/cs30-2a.
- Kuik, C.C. (2016) 'How Do Weaker States Hedge? Unpacking ASEAN states' alignment behavior towards China', *Journal of Contemporary China*, 25 (100), pp. 500–514. DOI: 10.1080/10670564.2015.1132714.
- Layne, C. (2012). 'This time it's real: the end of unipolarity and the Pax Americana', *International studies quarterly*, 56 (1), pp.203–213. DOI:10.1111/j.1468-2478.2011.00704.x.
- Mead, W.R. (2017) "The Jacksonian Revolt: American populism and the liberal Order," *Foreign Affairs*, 20 January [online]. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-01-20/jacksonian-revolt> (Accessed: June 15, 2023).
- Mearsheimer, J. J. (2001) *The tragedy of great power politics*. WW Norton & Company.
- Morgan, T. C., Syropoulos, C., & Yotov, Y. V. (2023) 'Economic sanctions: Evolution, consequences, and challenges', *Journal of Economic Perspectives*, 37 (1), pp. 3–29. DOI:10.1257/jep.37.1.3.
- Vasconcellos de Carvalho Motta, B., & Succi Jr., D. P. (2023) 'Brazilian foreign policy for the war in Ukraine: changing non-alignment, counterfactual, and future perspectives', *Globalizations*, pp. 1–14. DOI: 10.1080/14747731.2023.2224626.
- Oğuzlu, T. (2015). *Güvenlik kültürü ve Türk dış politikası*. Bilig 72. pp. 223-250.
- Pedrozo, R. (2023) The Black Sea Grain Initiative: Russia's strategic blunder or diplomatic coup? *International Law Studies*, 100 (1) [online]. Available at: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3050&context=ils> (Accessed 22.07.2023)
- Sakwa, R. (2019) 'BRICS and sovereign internationalism', *Strategic Analysis*, 43 (6), pp. 456–468. DOI: 10.1080/09700161.2019.1669899.
- Schweller, R.L. (1994) 'Bandwagoning for profit: Bringing the revisionist state back in', *International security*, 19 (1), pp.72–107. DOI: 10.1162/isec.19.1.72.
- Walt, S. M. (1985) 'Alliance formation and the balance of world power', *International security*, pp. 3–43. DOI: 10.1162/isec.9.4.3.
- Waltz, K. N. (1979) *Theory of international politics*. Addison-Wesley Publishing Company.
- Yalcin, E., Felbermayr, G., & Kinzius, L. (2017) 'Hidden protectionism: Non-tariff barriers and implications for international trade', *Ifo Centre for International Economics*, pp 1–44.

Статья поступила в редакцию: 08.09.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 19.12.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

**CHALLENGES OF SANCTION COALITION FORMATION AGAINST RUSSIA
IN A MULTIPOLAR SYSTEM**

O. Turhan

Oğuz Turhan, PhD student, School of International Relations,
Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: oguzturhan@yahoo.com (ORCID: 0000-0001-6514-787X).

Abstract

In 2022, Russia became the target of historically unprecedented sanctions imposed by a coalition of Western countries led by the United States. However, countries in Latin America, Africa and most Asian countries refrained from joining the sanctions regime. This article aims to analyze the circumstances under which the sanctions against Russia have not attracted unequivocal support from the majority of the states. The analysis focuses on the cases of Brazil, Turkey, and several African states. Contrary to the traditional models of political alignment outlined within structural realism, such as balancing or bandwagoning strategies, these countries tend to respond to each challenge individually, maximizing potential gains and minimizing political risks by adhering to a 'hedging' strategy. The states abstaining from the anti-Russian sanctions demonstrate a willingness to mediate the Ukrainian conflict and capitalize on the opportunities presented by Russia's isolation from the West, including trade concessions like discounted fuel or grain donations. They also maintain partnerships with Russia, whose political authority acts as a counterweight in disputes with Western nations. The findings of the study corroborate with the tenets inherent in 'hedging' concept, positing that during the fragmentation of global processes, states, in pursuit of their own interests, are actively diverging from traditional approaches of political alignment.

Keywords: economic sanctions; hedging; globalization; Russia; sanctions coalition; Black Sea Initiative; multipolarity.